

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ваулина Светлана Сергеевна

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории русского языка и сравнительного языкознания
Российского государственного университета им. И. Канта
svaulina@mail.ru
ул. А. Невского, 14, 236041 г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о межкатегориальных связях функционально-семантических категорий модальности и персональности. На примере рассказа «Дама с собачкой» и повести «Скучная история» А.П. Чехова раскрывается механизм функциональной соотнесенности данных категорий при их реализации в художественном тексте и демонстрируется функциональная рядоположенность их экспликаторов.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, модальность, персональность, субъективная модальность, художественный текст.

Общеизвестно, что одна из главных задач функционального подхода, прочно утвердившегося в современном языкознании, состоит в «специальной разработке динамического аспекта функционирования грамматических единиц и категорий во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания» [8, с. 89]. При этом в числе основных направлений исследования в функциональной грамматике находится «рассмотрение актуализационных категорий высказывания в их отношении к актуализационным признакам целостного текста» [6, с. 6]. К таким категориям относятся, наряду с функционально-семантической категорией темпоральности, модальность и персональность (см. об этом подробнее: [7; 14]).

«Каждое предложение, – писал В.В. Виноградов, – включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [9, с. 55]. Дан-

ное замечание ученого согласуется с определением модальности, сформулированным французским лингвистом Ш. Балли: «это “душа предложения”... нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [4, с. 44].

«Лицо, – отмечал А.М. Пешковский, – есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, и оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. Три лица – это три основных точки языкового сознания» [11, с. 306].

Согласно научной традиции, лицо рассматривается в первую очередь как грамматическая категория, присущая глаголу. «Личный глагол, – писал в свое время В.Ф. Андреев, – выражает независимое понятие конкретно, нагляд-

но. Из всех формальных признаков *verbi finite*, наиболее способствующих конкретности, или наглядности, есть обозначение лица и числа... Глагол служит сказуемым не потому, что он имеет время, вид и залог, а главнейшее потому, что он способен указывать лицо; словом, в глаголе, служащем в предложении сказуемым, мы считаем главнейшим признаком лицо» [1, с. 256]. Определения лица как морфологической категории содержатся в академических грамматиках (ср.: «Морфологическая категория лица – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта» [12, с. 636]) и энциклопедических словарях (ср.: «Лицо – грамматическая словоизменяемая категория глагола, обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) к говорящему лицу» [10, с. 271]).

Ничуть не сомневаясь в правомерности приведенных определений категории лица, обратим, однако, внимание на тот факт, что из этих определений вытекает понимание данной категории как коммуникативной, самым непосредственным образом связанной «с отношением обозначаемой ситуации и ее участников к ситуации речи» [7, с. 30]. Иными словами, речь идет о полифункциональности данной категории, выполняющей, с одной стороны, структурные функции согласования сказуемого и подлежащего, а с другой – собственно семантическую дейктическую функцию соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта и выступающей в данном случае в качестве функционально-семантической категории персональности (более подробно об этом см.: [13]).

«Обобщая различные аспекты толкования категории персональности, – отмечают Л.В. Шишкова и Т.Ю. Смирнова, – можно выделить три основных подхода, не противоречащих друг другу по своей сути:

1) персональность рассматривается как грамматическая категория, значение “лица” выражается при помощи специальных грамматических средств (лицо как грамматическая категория глагола);

2) персональность рассматривается как семантическая категория, манифестируемая в языке самыми разнообразными языковыми средствами (синтаксическими, лексически-

ми), описание которых осуществляется в виде функционально-семантического поля;

3) персональность рассматривается как коммуникативный аспект предложения, актуализируемый вышеуказанными языковыми средствами в зависимости от контекста – речевой ситуации. Персональность как актуализационная категория так или иначе выявляется в любом высказывании» [15, с. 33].

Очевидно, что категория персональности в совокупности ее плана содержания и плана выражения непосредственно соотносится с функционально-семантической категорией модальности и в первую очередь с субъективной модальностью, выражающей отношение говорящего к высказыванию относительно содержащейся в нем информации о «положении дел» с точки зрения вероятности, достоверности, возможности, необходимости и т. п. их осуществления.

Особенно наглядно данная соотнесенность проявляется в тексте, в первую очередь художественном, «вершину иерархии семантических компонентов которого составляет индивидуально-авторская концепция мира, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности» [3, с. 66–67].

Рассмотрим категории персональности и модальности в аспекте их функциональной соотнесенности на примере реализации в рассказе «Дама с собачкой» и повести «Скучная история», которые относятся, как известно, к последнему периоду творчества А.П. Чехова, когда в его произведениях ярко и последовательно раскрывается проблема личного счастья. При этом важно отметить, что для писателя данная проблема существует не изолированно, а является неотделимой от социально-нравственных проблем современного ему общества, поэтому в его прозе столь драматичен конфликт между желанием и невозможностью достижения счастья.

В рассказе «Дама с собачкой» этот конфликт раскрывается с помощью внешне простого сюжета, построенного на описании истории превращения банального курортного любовного флирта в большую, настоящую любовь двух героев – Дмитрия Дмитриевича Гурова и Анны Сергеевны.

Центральными средствами выражения категории модальности в рассказе выступают модальные глаголы и предикативы, а категории персональности – личные местоимения, при этом функционирование языковых единиц обусловлено прежде всего со спецификой личностной характеристики героев.

Так, характеристика Гурова дается преимущественно через авторское описание, и именно автор фактически является здесь лицом говорящим, незримо присутствующим в произведении и непосредственно связанным с субъектом действия – в данном случае с Гуровым.

Представляя читателям своего героя, Чехов рисует его как ординарного, хорошо обеспеченного человека, не затрудняющего себя философскими размышлениями о смысле человеческого бытия и воспринимающего женщин как «низшую расу». И этот первоначальный образ героя, лениво размышляющего о возможности курортного знакомства с Анной Сергеевной, психологически точно передают языковые средства, подчеркивающие «дезактивность субъекта» [2, с. 74], его определенную отстраненность от «положения дел», описываемого в начале рассказа. В качестве таких средств выступают центральные конститuentы плана выражения микрополя ситуативной модальности – безличные формы глаголов и предикативы с модальным значением произвольного желания / нежелания (*хотелось, не лишнее, скучно*), мнимой достоверности (*казалось*), предикативные наречия со значением потенциальной возможности (*можно бы*), с которыми непосредственно коррелируют ядерные экспликативы функционально-семантической категории персональности – личные местоимения в косвенных падежах (*ему, его*). Например: *Если она здесь без мужа и без знакомых, – сообразил Гуров, то было бы не лишнее познакомиться с ней* (с. 246) ¹; *Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом, чтобы называть их [женщин] как угодно* (там же); *Но при всякой новой встрече с интересной женщиной этот опыт как-то ускользал из памяти, и хотелось жить, и все казалось так просто и забавно* (там же); *Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, та-*

кое неожиданное и неуместное; если бы не слезы на глазах, то можно было бы подумать, что она [Анна Сергеевна] шутит или играет роль (с. 248).

Вернувшись в Москву, Гуров первоначально с удовольствием окунается в привычную для него жизнь, наполненную устоявшимися «ритуальными» действиями обыденно-бытового характера, и эта активность героя весьма выразительно подчеркивается личными глаголами и лично-указательными местоимениями в именительном падеже, а также безличными глаголами повышенной экспрессивной тональности. Ср.: *...он уже с жадностью прочитывал по три газеты в день...* (с. 250); *Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке...* (там же); *Его уже тянуло в рестораны, клубы, на званые обеды, юбилеи...* (там же).

Неожиданно для себя Гуров вдруг понимает, что не может забыть Анну Сергеевну, и по мере того как у него крепнет и разрастается любовь к ней, он превращается «из счастливого, довольного, беззаботного москвича, умевшего пользоваться радостями жизни, в глубоко неудовлетворенного человека, вставшего перед трагически неразрешимыми для него вопросами» [5, с. 87]). Эта душевная раздвоенность героя находит адекватное выражение в специфике использования писателем экспликативов категорий модальности и персональности – глаголов и личных местоимений. Так, описывая воспоминания Гурова об Анне Сергеевне, Чехов наиболее часто прибегает к личным глаголам и лично-указательным местоимениям в именительном падеже. Ср.: *Он долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался...* (с. 250); *Закрывши глаза, он видел ее, как живую...* (там же); *На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее* (с. 251). Охватившая Гурова неудовлетворенность жизнью, невозможность рассказать о своей любви кому-нибудь, чтобы быть понятым, ярко подчеркиваются безличными глаголами с модальными значениями вынужденности и желательности. Ср.: *И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах...* (там же); *Дети ему надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить* (там же).

Представляется важным отметить, что охватившее Гурова непреодолимое стремление вновь увидеть Анну Сергеевну писатель очень тонко передает с помощью использования модальных глаголов *хотеть, хотеться, желать*, фиксирующих повышенную психологичность желания, связанного со сферой эмоциональных переживаний, а также с помощью многократного употребления лично-указательного местоимения *он* в именительном падеже. Например: *Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно* (с. 252); *Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и от волнения он не мог вспомнить, как зовут шпица* (с. 253); *...он понял ясно, что для него теперь на свете нет ближе, дороже и важнее человека... она была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя* (с. 254); *Прежде в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...* (с. 255).

В отличие от жизни Гурова, прошедшего трудный и мучительный путь «испытания любовью», жизненная ситуация другого персонажа рассказа – Анны Сергеевны – внешне проста и прозрачна – она искренно любит и глубоко страдает. При этом личностная характеристика данного персонажа дается главным образом через речь самой героини, которая выступает в тексте рассказа в качестве лица говорящего. Именно поэтому центральными средствами выражения ее поведения, поступков, чувств и мыслей являются личные глаголы и личные местоимения в форме 1-го лица, а также безличные формы модальных глаголов и глаголов интенсивного действия (в тех случаях, когда героиня говорит сама о себе), глаголы в форме повелительного наклонения и перформативные глаголы (в случаях, когда героиня обращается к любимому человеку). Например: *Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю... Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он ла-*

кей! Я не знаю, что он делает там, как слушит, а знаю только, что он лакей. Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет, меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше: ведь есть же, – говорила я себе, – другая жизнь. Хотелось пожить! Пожить и пожить... (с. 246); Я так страдаю! – продолжала она, не слушая его [Гурова]. – Я все время думала только о Вас, я жила мыслями о Вас. И мне хотелось забыть, забыть... (с. 253); Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас... Вы должны уехать... Заклинаю Вас всем святым, умоляю... Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я приеду в Москву (там же).

В повести «Скучная история» раскрываются философские истоки духовной драмы героя – заслуженного профессора Московского университета Николая Степановича. По словам самого профессора (а повествование в произведении ведется от первого лица), несчастье его состоит в том, что ему не хватает цельного мировоззрения, или, как он говорит, «общей идеи». Отсюда у героя происходит мучительный разрыв между желанием и возможностью как основными философскими константами, определяющими сущность человеческого бытия. Эти духовные терзания героя сконцентрированы в конце повести в его размышлениях об итогах своей жизни, в экспликации которых важную роль играют ядерные компоненты плана выражения функционально-семантических категорий модальности и персональности – модальные глаголы и личные местоимения. Например: *И теперь я экзаменую себя: чего я хочу? Я хочу, чтобы наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей... Я хотел бы иметь помощников и наследников... Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой. Хотел бы еще пожить лет десять... Дальше что? А дальше ничего. Я думаю, долго думаю и ничего не могу придумать. И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сидении на*

чужой кровати и в **стремлении познать самого себя**, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие **я составляю**, нет чего-то общего, что связывало бы это в единое целое. Каждое чувство и каждая мысль живут **во мне** особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего (с. 324).

Как видно из приведенного отрывка, экспрессия модальной «направленности» размышлений героя, непосредственно перекликающейся с авторской модальностью, получает регулярную реализацию с помощью личных местоимений (преимущественно в форме 1-го лица) в сочетании с личными формами глаголов (главным образом модальных).

Такая же специфика в выражении размышлений и чувств героя отчетливо прослеживается и в остальном тексте повести. Ср.: *Читаю я по-прежнему не худо; как и прежде, я **могу удерживать** внимание слушателей в продолжение двух часов* (с. 267); *Говорю я неудержимо быстро, страстно, и кажется, нет той силы, которая **могла бы прервать** течение моей речи* (с. 276); *Только на лекции я **мог** весь **отдаваться** страсти и **понимал**, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом месте* (с. 277); *Среди лекции к горлу вдруг подступают слезы, начинают чесаться глаза, и я **чувствую истерическое желание протянуть** вперед руки и **громко пожаловаться**. Я **хочу прокричать**, что я **отравлен**; новые мысли, каких **не знал** я раньше, **отравили** последние дни моей жизни и **продолжают жалить** мой мозг...* (с. 278); *Я **не умел заступаться** за нее [Катю], а только, когда видел грусть, у меня **являлось желание привлечь** ее к себе и **пожалеть**...* (с. 284); *Я... **никак не могу помириться** с тем торжественным выражением, какое бывает у моей жены всякий раз, когда сидит у нас Гнеккер, я **не могу также помириться** с теми бутылками лафита, портвейна и хереса, которые ставятся только ради него, чтобы он воочью убедился, как широко и*

*роскошно мы живем. **Не перевариваю я и отрывистого смеха** Лизы... А главное, я **никак не могу понять**, почему это ко мне **приходит** каждый день и каждый день со мной **обедает** существо, совершенно чуждое моим привычкам, моей науке, всему складу моей жизни...* (с. 292); *Я **чувствую**, что **далее я не могу видеть** ни своей лампы, ни книг, ни теней на полу, **не могу слышать** голосов, которые **раздаются** в гостиной* (с. 296); *Ужас у меня **безотчетный, животный**, и я **никак не могу понять**, отчего мне **страшно: оттого ли, что хочется жить**, или **оттого, что меня ждет** новая, еще **неизведанная боль?*** (с. 318).

Лишь в немногочисленных текстовых отрывках (контекстах) повести нами зафиксировано употребление безличных форм глаголов и предикативов, используемых для выражения модальных значений непроизвольного желания или объективной необходимости, которые, как отмечалось выше, предполагают некоторую отстраненность субъекта действия (лица) от самого действия, что органично согласуется с его душевным состоянием. Ср.: *Мне **хочется прокричать** громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба **приговорила к смертной казни**...* (с. 278); *И в это время мое положение **представляется** таким ужасным, что **мне хочется**, чтобы все мои слушатели ужаснулись...* (с. 278–279); *В без четверти десять **нужно идти** к моим милым мальчикам **читать** лекцию* (с. 272).

Таким образом, проведенный анализ позволяет убедиться в функциональной рядоположенности категорий модальности и персональности, экспликативы которых выполняют в художественном произведении важную текстообразующую задачу – создание личностной характеристики его персонажей, осуществляемую сквозь призму авторского мировидения и авторских интенций.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цит. по изд.: Чехов, А. П. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Повести и рассказы ; Пьесы. М. : Худож. лит., 1982. 480 с. В круглых скобках указываются номера страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. Ф. Знаменательные и служебные слова в русской речи / В. Ф. Андреев // Журнал министерства народного просвещения. – 1895. – № 10. – С. 238–279.
2. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. Б. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 533 с.
4. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : пер. с фр. / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 418 с.
5. Бердников, Г. П. Чехов в современном мире / Г. П. Бердников // Вопросы литературы. – 1980. – № 1. – С. 65–97.
6. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М. : Наука, 2001. – С. 4–13.
7. Бондарко, А. В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб. : Наука, 1991. – 376 с.
8. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
9. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53–88.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
11. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 611 с.
12. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
13. Степаненко, К. А. Категория лица в функционально-семантическом аспекте (на материале русского и португальского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Степаненко Катерина Александровна. – Калининград, 2009. – 23 с.
14. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
15. Шишкова, Л. В. Синтаксис современного немецкого языка / Л. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова. – М. : Academia, 2003. – 125 с.

**SPECIFICITY OF FUNCTIONAL CORRELATION
BETWEEN THE CATEGORIES OF MODALITY AND PERSONALITY
IN THE TEXT OF FICTION**

Vaulina Svetlana Sergeevna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of Department of Russian Language History and Comparative Linguistics,
Immanuel Kant Baltic Federal University
svaulina@mail.ru
Nevskogo St., 14, 236041 Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The article deals with the inter-categorical links between the functional and semantic categories of modality and personality. Based on “The Lady with the Dog” and “The Dull Story” stories by A.P. Chekhov, the article describes the mechanism of functional correlation between these categories used in the text of fiction and demonstrates the functional row-position of their explicators.

Key words: functional and semantic category, modality, personality, subjective modality, text of fiction.